

А. Анненская

Чужой хлеб

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А11

A11 **А. Анненская**
Чужой хлеб / А. Анненская – М.: Книга по Требованию, 2021. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-2601-7

Сентиментальная повесть известной писательницы конца XIX — начала XX века Александры Никитичны Анненской., Аленушка, героиня повести «Чужой хлеб», сначала живет в доме богатой дамы и зависит от прихотей ее избалованной дочери. Потом она становится ученицей в швейной мастерской и проходит трудный путь, прежде чем обретет любящую семью.

ISBN 978-5-4241-2601-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Анненская, 2021

Содержание

Глава I. Аленушка	5
Глава II. Нелли	25
Глава III. Модный магазин	47
Глава IV. Болезнь	68
Глава V. Новая благотельница	84
Глава VI. Еще болезнь	106
Заключение	117

Глава I.

Аленушка

На крутом берегу маленькой, но светлой и быстрой речки лепилась бедная деревушка, состоявшая всего из какой-нибудь дюжины домиков. Домики эти, полуразвалившиеся, почерневшие от времени, грустно смотрели на мир Божий своими крошечными окошечками, часто вместо стекол заткнутыми бумагой. Еще летом, когда кругом все зеленело, когда с одной стороны откос берега покрывался мягким ковром свежей травы, а с другой виднелись поля с молодыми всходами хлебов, деревенька могла показаться довольно сносною. Но зимой, когда все кругом было завалено снегом, когда самые домики казались до половины зарытыми в нем, — зимой, вероятно, мало кому пришла бы охота поселиться здесь. Внутренность этих домиков вполне соответствовала их наружности: они были темны, грязны, с закоптелыми стенами и потолками, по большей части без труб; летом в них было темно и душно, зимой дуло из щелей. Непривычный человек не выжил бы здесь и недели; но хозяева привыкли к своим жилищам, они, конечно, не прочь бы выстроить дома попросторней и почище, проделать большие окна, вывести красивые печи, да ведь на все это нужны деньги, а откуда их взять, когда земля песчаная, хлеба родит немного, ни фабрик, ни заводов, где бы можно заработать лишний рубль, поблизости нет.

В одной из изб, едва ли не самой бедной и ветхой, около окна на скамейке сидела девочка лет восьми. Она держала на коленях толстый холстинный мешок, а в руках — иголку с ниткою. Вероятно, ей следовало шить, но на самом деле работа мало занимала ее. Она заглядывала в окно, через которое виднелась толпа деревенских ребятшек, собравшихся играть на берегу речки, и беспрестанно повторяла однообразным, заунывным голосом.

— Баба, пусти меня поиграть с ребятками!

Эта просьба, повторенная несколько раз, видимо надоела наконец старухе, копошившейся около печки.

— Полно тебе ныть-то! — прикрикнула она на ленивицу. — Ты кончи работу, да тогда и иди себе играть! Срам какой, целый день таскает мешок, дошить не может! Я вот ужо дяде скажу, как придет!

Девочка взялась за работу. На щеках ее показались слезы, и все ее смуглое, загорелое личико приняло самое печальное выражение.

— Все ребяткишки играют, я одна все сиди, да работай, — заговорила она плаксивым голосом.

— Глупа ты, Аленушка, вот что! — отозвалась старуха более ласковым голосом. — Ты бы то подумала: нет у тебя ни отца, ни матери, живешь ты у дяди, он нас с тобой, старого да малого, кормит, поит; без него нам бы с тобой побираться надо идти, Христовым именем жить! Так как же нам для него не работать, ему не угодить? Слышала, он говорил вечор: «Надо на мельницу ехать, муку привезти, а мешок весь разлезся!» Ну, ты ему и шей новый, лепешки из муки-то чай будем есть, а?

— Я бы лучше не ела, только бы поиграть теперь, — проговорила девочка и подняла на старуху свои большие, темные глаза с таким умоляющим выражением, что та не устояла.

— Не ела! Как же, знаем мы тебя! — сказала она. — Ну, да уж ладно, что с тобой делать, давай я, может, дошью, еще видят кое-как глаза, поди поиграй.

Девочка бросила работу на лавку, быстро подскочила к старухе, кинулась ей на шею, крепко сжала ее своими худенькими ручонками, нежно поцеловала в сморщенную щеку и, прежде чем та успела сказать еще хоть слово, исчезла из избы.

Старуха, полурассерженная, полудовольная ласковостью ребенка, уселась у окна на место внучки и принялась за ее брошенную работу.

Между тем звонкий голос Аленушки уже раздавался на берегу реки в толпе других детей. Выбежав из темной избы и присоединившись к своим товарищам, девочка точно совсем переродилась. Она откинула назад темные волосы, беспорядочными прядями падавшие на ее лоб, глаза ее заблистали и засверкали детской веселостью; губки, сжимавшиеся и вытягивавшиеся так печально и даже сердито, теперь весело улыбались.

Всякий, взглянув на нее в ту минуту, как она стояла на берегу реки, придумывая вместе с другими детьми, какую затеять игру, назвал бы ее и очень красивою, и очень счастливою девочкою. И в эту минуту она действительно была очень счастлива, с беззаботностью детства забыла она все свои горести и собиралась от души веселиться. Ее нисколько не тревожило, что ноги ее были босы, что ее коротенький холстинный сарафан был покрыт очень некрасивыми заплатами, что рубашка ее не отличалась ни тонкостью, ни чистотой. Что за беда! Подруги ее были одеты немногим лучше, да она, по правде сказать, на одежду никогда и не смотрела, только бы побегать да поиграть.

— Давайте играть в волки! — предложил один высокий белокурый мальчуган. — Я буду волком, Федя пусть будет пастухом, а кто-нибудь — собаками, а другие — коровами.

— Нет, лучше я буду волком, — сказала Аленушка.
— Я хочу быть собакой! — закричала одна девочка.
— Нет, я! — заспорила другая.
— И я, и я также! — закричало еще несколько голосов.
— Я не хочу быть пастухом! — заворчал Федя.
— Чем спорить, — предложила одна из старших девочек, — давайте лучше бросать камешки в реку: чей дальше — тот волк, чей после него — тот собака, а чей всех ближе — тот пастух.

Умный совет был принят, и скоро роли разделились. Нашей Аленушке страх как хотелось попасть в волки, но именно от- того-то она слишком поторопилась и не попала даже в собаки. Пастухом пришлось быть Феде, толстенькому пятилетнему карапузу, который был совсем плох для беганья, и которому потому всегда назначали самое легкое дело. Волком сделался именно тот мальчик, который предложил игру. Он был очень ловок, силен, и убежать от него стаду было дело нелегкое. Действительно, не прошло и десяти минут, как все стадо было им переловлено и загнано в кусты, и даже собака отправлена туда же. Один только пастушок печально сидел на камушке, изображавшем его дом, да Аленушка не давалась в руки хищ- ника. Пока он преследовал других, она держалась в стороне, а теперь, когда увидела, что осталась одна, употребляла всю свою силу и ловкость, чтобы не поддаться ему. Она знала, что на открытом месте ей не спастись от своего противника, который был на целую голову выше ее, и потому пользова- лась каждым кусточком, чтобы спрятаться от него, и смущала его неожиданными поворотами из стороны в сторону. Сеня, так звали волка, загнал наконец ловкую козочку — Аленушка была слишком прытка, чтобы представлять неуклюжую коро- ву — на самый берег реки, где ей нельзя было бежать иначе как в прямом направлении.

Теперь победа должна была остаться за ним, с каждым шагом он более и более приближался к своей жертве. Аленушка чувствовала опасность, уже готова была поддаться, вдруг смотрит — на том месте, где прежде через речку проходил мост, лежит дощечка, опираясь одним концом на берег, другим — на камень посредине реки. Не долго думая, смелая девочка взбежала на эту дощечку и весело покачивалась на ней, между тем как ее преследователь в изумлении остановился на берегу.

Дощечка была узенькая, а главное полугнилая, так что он не решался ступить на нее. Аленушка же громко хохотала, раскачиваясь над водой.

Дети до того занялись своей игрой, что не заметили приближения посторонних. А между тем на берегу реки, недалеко от дощечки, на которой стояла Аленушка, сидела уже несколько минут молодая, изящно одетая дама с маленькой, не менее изящно одетой девочкой. Они, должно быть, возвращались с прогулки, и девочка засмотрелась на игру детей; когда Аленушка вскочила на доску, она даже вскрикнула от удовольствия, что та спаслась от волка. Дама, до тех пор рассеянно глядевшая по сторонам, обернулась посмотреть, что так заинтересовало ее дочь, и с любопытством, даже с каким-то изумлением устремила глаза на Аленушку. Действительно, на девочку можно было заглядеться в эту минуту: заходящее солнце обливало ее своими золотистыми лучами, и это несколько фантастическое освещение придавало необыкновенную красоту ее и без того хорошенькому личику. Ветер развеивал ее каштановые волосы; смуглые щеки ее разгорелись от продолжительного бега; пунцовые губки ее весело улыбались, выказывая крошечные беленькие зубки; глазки ее блестели и искрились, как две звездочки на небе. Даже старенький коротенький сарафан не портил ее. Он также развеивался по воле ветра и не закрывал несколько голеньких ножек,

правда, довольно грубых и красненьких, но таких маленьких и таких красиво выточенных, что всякий невольно назвал бы миленькими. Случись поблизости живописец, он, наверное, тотчас бы затеял срисовать портрет маленькой деревенской красавицы; впрочем, если бы он был при этом и человек добрый, он прежде всего постарался бы снять неосторожную девочку с хрупкой доски, на которой жизнь ее подвергалась опасности. Надобно думать, что дама, любовавшаяся на Аленушку, не принадлежала к числу таких добрых людей: она глядела на девочку как на хорошенькую картинку, и ей в голову не приходила мысль, что это живой ребенок, который каждую минуту может слететь в воду и дорого поплатиться за свою шалость.

Между тем товарищи Аленушки, мало обращавшие внимания на красоту, соскучились ждать и смотреть, как Аленушка покачивается на своей дощечке, а бедный волк ходит по берегу, не зная, на что решиться, и объявили игру конченной, с тем что в следующей Аленушка может быть волком, а в этот раз она не поймана.

Аленушка сбежала на твердую землю, и все дети с веселым криком отправились на лужок, где должно было пастись новое стадо.

— Ну, пойдем теперь домой, Лида, — сказала дама своей дочери, — становится сыро, ты так легко одета, мой ангел!

— Мама, — заговорила Лида, вставая с места, чтобы следовать за матерью, — как весело играют эти деревенские дети! Мне бы очень хотелось побегать с ними.

— Фи, дружок, как можно! Ты видишь, какие они все грязные, дурно одетые, как они кричат, хохочут, хватают друг друга! Подожди, вот осенью вернемся в Петербург, ты опять будешь играть в Летнем саду со своими подругами; ведь они же лучше этих ребятишек, не правда ли?

— Да, конечно, — нехотя согласилась Лида. — А, мама, ведь хорошенькая девочка стояла на мостике, правда?

— Да, очень, необыкновенно хорошенькая, даже удивительно, как явилась такая красавица среди всей этой грязи и бедности. Надо непременно узнать, чья она. А теперь пойдем поскорее, моя радость, я так боюсь за тебя в этой сырости!

Они прибавили шагу и вскоре подошли к калитке сада, из-за деревьев которого виднелся большой барский дом, где на балконе их уже давно ожидал чай с густыми деревенскими сливками и разными вкусными булочками.

Между тем грязные деревенские ребятишки продолжали свою веселую игру, хотя солнышко уже село и сырой, довольно холодный туман спустился на реку и ее берега. Но вот на улицу стали выходить из изб матери играющих и, кто ласково, кто ворчливо, звали детей домой. Все взрослые уже вернулись с работ, надобно было поскорее ужинать да и ложиться спать, чтобы завтра опять встать с восходом солнца и опять приниматься за тяжелую летнюю работу. Аленушку никто не звал, и она осталась на улице, пока не разошлись все остальные и голод не напомнил ей, что и ее дома ждет ужин, хотя скудный. Оживленная игрой, веселая и беззаботная, вбежала она в свою избу, где за столом уже сидел ее дядя, ожидая ужина, который подавала бабушка.

— Опять ты целый день шаталась, мерзкая девчонка, — закричал дядя на входившую девочку.

— Я с ребятами играла, меня бабушка пустила, — проговорила испуганным голосом Аленушка, и вся веселость ее вмиг исчезла.

— Бабушка! Бабушка балует тебя, вот что, за тебя надо мне самому приняться! Вот сломлю хороший прут да отстегаю тебя, так забудешь у меня бегать, живо научишься работать!

Крупные слезы покатались из глаз Аленушки, она закрыла лицо рукавом рубашки и молча ушла в угол, за дверь. Она

чувствовала, что не виновата, что играла не больше других детей, но знала, что дядя строг, что под сердитую руку он готов не только разбранить, но даже избить за какое-нибудь не попад сказанное слово.

Бабушке жаль стало обиженную девочку.

— Полно, Пахомушка, — обратилась она к сыну, — чего ты напустился на ребенка! Ты заказал ей сшить тебе мешок, ну, вон она сшила, видишь, славный какой! А что поиграла она маленько с ребятками, так это не беда, ведь невеличка она еще! Подожди, подрастет, будет нам работницей хорошей!

— Будет, жди! А пока корми да пои ее, а может, еще и толку с нее никакого не выйдет. Ну, чего морду воротишь! Не велика важность, что дядя прикрикнул, без этого с вами, девками, нельзя! Иди, знай, сюда, жри! На это ты мастерица!

— Иди, Аленушка, матушка, — приголубила бабушка все еще плакавшую девочку, — иди родименькая, а то дядя больше осерчает, иди, покушай киселька, ты ведь любишь.

Аленушка вышла из своего уголка печальная, с заплаканными глазами, едва сдерживая рыдания; чтобы не рассердить дядю, села за стол. На ужин бабушка подала гороховый кисель, любимое кушанье девочки, и вид его несколько рассеял ее печаль, тем более, что и дядя стал к ней поласковее; он даже поменялся с ней ложками, дал ей свою новенькую, расписную, а сам стал есть старой, сломанной.

Все ели молча; уже к самому концу ужина дядя заговорил:

— Вот, Аленка, девка ты большая, работать не любишь, дома не сидишь, а хоть бы шаталась-то с толком. Вон у Михея, кузнеца, сынишка, меньше тебя будет, а какой шустрый мальчишка; узнал, что в село приехали господа, пошел в лес, насбирал земляники, снес им, а они-то ему за маленький кузовок да серебряный